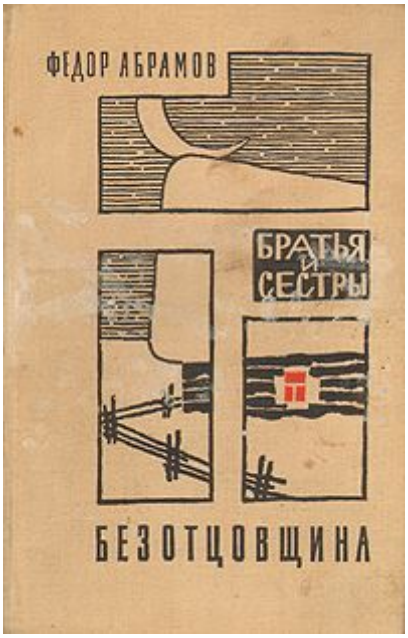

"Федор Абрамов - Безотцовщина"

Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
Topreading.ru

Федор Александрович Абрамов

Безотцовщина

Грибово — единственное место по Черемшанке, где не держится комар. Высокий, широко расползшийся холм, как шляпа гриба-великана, поднимается над зелеными лугами. В погожие страдные дни там пикнет трава от жары, а с тонких говорливых осинок, угнездившихся по скатам холма, все лето не сходит загар. По вечерам же с лугов тянут сквозняки. Словом, как ни хитри комар, а зацепиться тут не за что.

Именно поэтому, выбирая место для новой избы на здешнем покосе, облюбовали Грибово. Изба, сложенная из крепкого, все еще сочащегося слезой сосняка, получилась добротная, просторная. Только на одних нарах, опоясывающих стены, может разместиться десятка полтора людей, а если еще застлать пол сеном, то живи хоть всем колхозом.

Днем, когда люди на пожне, у избы остаются Володька да Пуха.

С обязанностями своими Володька справлялся походя.

Присмотреть за пятью-шестью лошадьми, согреть утром и вечером чайники, нарубить дров для костра-да разве это работа для пятнадцатилетнего крепыша? Правда, он мог бы спуститься на пожню-лишние грабли там никогда не помеха, тем более что в горячие дни приходилось специально подбрасывать из деревни домохозяек и голосистый актив — молоденьких девушек из контор, студенток-отпускниц, школьниц, но Володька предпочитал другие занятия. Целыми часами бродил он с удилищем по отлогим осотистым берегам Черемшанки, валялся в избе, дурея от сна и скуки, а то опять заберется на каменный лоб, круто нависший над речкой, и сидит неподвижно и окаменело, как ястреб-рыболов, высматривающий добычу.

В последнее время Володька нашел для себя еще одно занятие-подглядывать за купальщицами. По вечерам, когда машина с домохозяйками и активистками возвращалась домой, Петька-шофер на несколько минут делал остановку напротив избы за рекой — по просьбе девчонок, которые, выскочив из кузова, со смехом наперегонки бежали к плесу.

Впрочем, смотреть, как шумно и бестолково хлопается, трется о камешник мелюзга, ему не доставляло никакого удовольствия. Но вот когда на яме показывалась светлая головка Нюры-счетоводши, сердце его схватывало непривычным холодком. Облитая розовыми лучами солнца, она, как семга, играла в кипящей воде, а потом по-мальчишески, без брызг, выгребала саженками.

Сегодня Володька напрасно лежал, затаившись в кустах, — машина, то ли потому что было уже поздно, то ли еще по какой причине, не останавливаясь, прогромыхала к броду.

Володька встал, уныло побрел к избе. Пора было разжигать огонь, кипятить чайники. Пуха, обогнав его, с лаем бросилась отгонять от избы гнедуху, немолодую, но еще довольно резвую кобылу, которая из-за любви к хлебной корке вечно торчала около жилья.

— Стой, стой! — закричал вдруг Володька.

В несколько прыжков он подбежал к гнедухе (она всегда ходила в узде), с разбегу закинул на нее свое небольшое цепкое тело, спустился с холма и галопом понесся к броду.

Машина уже проскочила речку и с воем брала пригорок.

— Девки, девки! — закричали жёнки, заметив Володьку под кустами. Смотрите-ко, разбойник!

Володька с силой поддал каблуками в бока гнедухе. И началась потеха.

Машину трясло, подбрасывало на кочках и выбоинах, девчонки и жёнки мотали головами, визжали, когда полуторку заносило на поворотах, — кто от страха, кто от удовольствия. Володька распластавшейся птицей летел за машиной. И если в ручьевинах ему удавалось догнать ее, он начинал отчаянно работать плеткой, стараясь добраться до какой-нибудь зубоскалки. Потом грузовик отрывался от него, и он, мокрый, распаленный игрой, опять скакал за ним.

Больше всего ему хотелось дотянуться до Нюры-счетоводши, — она смеялась всех громче. Но поди достань ее: забилась в самую гущу — только голова, как подсолнух, мотается. И все-таки на последнем повороте, где дорога круто забирает в лес, он сумел добраться и до Нюрочки, да так славно вытянул, что она захлебнулась от боли, а сидевшая рядом с ней Шура, бледная, недавно родившая молодуха, которой, видимо, тоже попало, заругалась:

— Дурак бестолковый! Разве так за девушками ухаживают?

Машина въехала в рослый березняк, завизжала, захлопала па корневищах, переходя на третью скорость, затем, выскочив на прогалину, последний раз махнула цветастой россыпью платков.

Володька постоял немного, прислушиваясь к удаляющемуся с-меху девчонок-то-то перемывают сейчас ему косточки, — потом вдруг вспомнил, что ему давно пора быть у избы, и резко повернул кобылу. Пуха, казалось, только этого и ждала: вырвалась вперед и, как клок пестрой шерсти, подхваченный ветром, бесшумно покатилась по влажной от росы тропинке.

В низинах уже свивался туман, было свежо в отсыревшей рубахе. На ближайшем плесе, как всегда об эту пору, закрякала утка, скликая своих детушек, — глупая, никак не может понять, что их убил Володька еще в первый день приезда на сенокос. Пуха моментально насторожила уши, но он с раздражением махнул рукой, и она послушно засеменила по тропинке.

Володька поторапливал гнедуху и ругал себя ругательски.

Лида теперь наверняка вернулись к избе, и нагоняя ему не миновать. Да нагоняй что! Ну поворчит, поразоряется Никита-так, для видимости больше, потому что бригадир; ну вцепится еще эта ехидина Параня-баба злющая, как все старые девы… Но в конце концов у него тоже не тряпка во рту, да и среди баб найдется заступница. Нет, не предстоящая головомойка беспокоила Володьку. Его тревожило другое: приехал или нет Кузьма?

Володька не то чтобы побаивался или как-то особенно уважал Кузьму. По правде говоря, он даже презирал его, презирал за житейскую простоватость, за неумение схитрить, извернуться где надо. Ну не дурак ли в самом деле?

Где хуже да труднее работа-туда и его. На Шопотки, например, сроду никто с косилкой не езживал-дорога туда грязная, с выломками, зимой едва добираются, — а этого председатель в один присест окрутил. «Кузьма Васильевич, выручай, — кроме тебя, никто не проедет», — Володька сам слышал этот разговор в правлении. Кузьма Васильевич и раскис.

И все-таки ему сейчас ох как не хотелось позориться перед Кузьмой.

«Хоть бы он заболел, хоть бы в яму какую свалился по дороге», — думал Володька.

Напрасная надежда! Едва он выехал на луг, опоясывающий холм, как тотчас же увидел лошадей Кузьмы.

Высоко на холме, будто под самым небом, жарко горел огонь, и отблески его алой попоной пламенели на белой Налетке, стоявшей рядом с рослым угольно-черным Мальчиком. Колхозницы, сгрудившись вокруг костра, готовили ужин, а один мужчина, потряхивая светлой большой головой — это был Кузьма, рубил дрова.

Володька призадержал лошадь, мучительно соображая, как ему поступить: то ли подъехать с повинной головой, то ли, напротив, подкатить этаким чертом, которому все нипочем.

Верх взяло последнее. Пропадать — так уж пропадать с музыкой!

На вечерней заре громом раскатился топот копыт. Перепуганные лошади, бродившие по лугу, ошалело всхрапывали, шарахались в стороны. Холодный ветер-откуда только взялся — резал лицо, расчесывал волосы.

У избы, едва не сбив какую-то бабу, Володька на всем скаку осадил гнедуху, лихо спрыгнул наземь.

А дальше, как и следовало ожидать, открылся, целый митинг.

— Это тебя где черти носят? — кричал, наседая, Никита. — Кто за тебя чайники греть будет?

Володька огрызнулся:

— А если у меня гнедуха убежала?

— У тебя гнедуха-то особенная — за девками бегает, — поддела Параня.

— Я не согласен. Ежели он за кашевара, то чтобы к моему приходу все было в аккурат.

Володька метнул свирепый взгляд в сторону Кольки.

Чистенький, волосики влажные, причесаны, уже и переодеться успел: белая рубашка с коротким рукавом, на ногах тапочки. Как же, воображает себя рабочим классом, культурно отдыхающим после трудового дня!

— Что глазищами-то завзводил? — накинулась Параня. — Правду парень говорит. На год тебя старше, а за взрослого робит.

И пошло, и пошло. Манефа, Устинья, кривой Игнат, даже старик Егор, молчун по природе, и тот что-то прошамкал…

Володька едва успевал поворачиваться-так и рвали со всех сторон, как худую собачонку.

Наконец бригадир Никита, медлительный, с обвислыми, как у медведя, плечами и весь заросший черной щетиной, как бы подводя итог, обратился за сочувствием к Кузьме:

— Беда с этим парнем. И работенкой-то, кажись, не неволим, а совсем от рук отбился. Одно слово, безотцовщина…

Володька с вызовом уставился на Кузьму — ему даже пришлось приподнять подбородок, чтобы встретиться с его глазами, — дуракам всегда везет на рост. Пускай только вякнет. Он такое

ему врежет — век будет помнить. Нет, ежели ты не хочешь, чтобы на тебе ездили, покажи зубы сразу, — это Володька хорошо усвоил за свои пятнадцать лет.

Но Кузьма-вот уж не от мира сего-словно спал, словно не слышал того, что тут творилось.

— Сведи лошадей. Да Налетку на веревку — понял? А то уйдет — бедовая кобыленка.

И все, Володька, приготовившийся было сорвать свою злость на Кузьме, с удивлением и нескрываемым презрением усмехнулся, а затем не спеша, наречно подчеркивая свою независимость, отвязал от косилки лошадей и повел вниз, на луг.

Когда он вернулся к избе, люди уже сидели за столом — кто, обжигаясь, ел кашу-огневицу, кто подкреплялся похлебкой, а кто по привычке северянина нажимал на чай.

Володька прошел в сенцы, отсыпал из своих пожитков муки в миску и, пройдя к огню, начал приготовлять еду для Пухи.

— Вот как хозяин-то настоящий, — усмехнулась Параня и кивнула Кузьме, сперва собаку, а потом уж сам.

— Да не в собаку корм, — лениво поморщился Никита: — Ну что Пуха — Пуха и есть. Осенью шкуру содрать — рукавицы не выйдут.

Володька отлично понимал, куда гнет Никита. Обычное дело — как вечер, так и потеха над Пухой. И ему, конечно, лучше бы промолчать, но разве стерпишь такую обиду?

— Ты своего Лыска обдирай, он весь в лишаях, а я осенью охотиться буду.

— Это с Пухой-то охотиться? Нет, парень, с котом и то больше толку. По крайности мышь какую добудешь.

Все захохотали.

Колька, подлаживаясь к начальству, съязвил:

— Твоя Пуха только сорок гонять.

— А белку не при тебе облаяла?

— Белку? — Колька вытаращил глаза. — Это когда же?

Эх, и влепил бы ему Володька, будь они наедине, — небось сразу бы вспомнил!

— Ешь! — прикрикнул он на Пуху.

Пуха, как нарочно, вся перемокла в росе, когда они водили лошадей на луг, и теперь, мокрая, со свалявшейся на спине и боках шерстью, с пугливо поджатым хвостом, казалась еще меньше. И начала она лакать похлебку тоже не по-собачьи: с краешка миски, неуверенно, то и дело поглядывая своими черными блестящими глазами то на Володьку, то на людей.

— Он пять раз на дню ее кормит, — завела опять Параня, — все думает откормить.

— Балда ты, Володька, — сказал Никита, — маленькая собачка до старости щенок. Вишь ведь, глаз-то у нее хитрый, старый.

Topreading.ru

— А сколько этой Пухе? — спросил Кузьма.

— Беспачпортная, — услужливо разъяснил Колька. — Умные люди на улицу такое добро выбрасывают, а дураки подбирают.

Пуха, видимо, догадываясь, что разговор идет о пей, все чаще отрывалась от еды, вопросительно посматривала на Володьку и наконец тихонько скрылась с людских глаз.

— Да, парень, — сказал Кузьма, вставая из-за стола, — ежели ты всерьез охотиться думаешь, собаку надо искать не на улице.

— А я говорю, что она белку и сейчас берет!..

Но Володьку уже никто не слушал. На землю незаметно спустилась ночь — короткая, страдная, и надо было отходить ко сну. Женщины начали наспех споласкивать посуду. Из открытых дверей повалил дым: каждый раз на ночь — для воздуха — в избе курили сеном.

Володька, допивая остывший чай, морщился от дыма и нет-нет да и поглядывал на Кузьму и Никиту, уединившихся в стороне у косилки. О чем они толкуют? И почему Колька вертится как на угольях? В руках газета для маскировки, а сам шею вытянул, глазами ест бригадира. Ага, понятно, Кузьма помощника себе просит.

И Володька со злорадством посмотрел на Кольку. Поезжай-поезжай! Девчонки на Шопотки не приедут. Живи вдвоем, как в берлоге.

Но черт бы побрал этого тугодума! Ни да ни нет.

И за что только в бригадирах держат?

— Ежели такая сушь, мне без Николая тоже не управиться…

Володька, не допив, выплеснул из кружки чай.

В этот вечер долго не спали. Никита в который раз начал рассказывать, как он впервые увидел спутник на небе.

Потом оказалось, что спутник видели и Параня, и Колька, и даже кривой Игнат. Брешут, конечно. Небось ежели бы видели, рот на замке не держали. А то будто специально Кузьмы дожидались.

— А вы, Кузьма Васильевич, видели? — Это Колька.

На вы, по-культурному.

Володька, лежа па полу недалеко от дверей, приподнял голову. Кузьму послушать интересно — в городе человек жил, по партийной мобилизации, говорят, в колхоз прислали.

— Нет, не приходилось.

Слава богу, нашелся хоть один человек, который, как и он, Володька, не видел спутника! Но зато, как выяснилось, Кузьма досконально знал, что за звезды вокруг Земли и сколько до, них расстояния.

— А правда, что скоро на Лупу полетят? — спросила Параня.

— Скоро не скоро, а полетят. А пока собак в космос запускают.

На нарах заворочался Никита:

— Володька, ты бы свою Пуху пожертвовал, а то хороших собак переводят.

— Для науки… — захихикал Колька.

Нет, не вышел номер. Кривой Игнат давно уже раздувал свои старые мехи — тяжко, старательно, словно и во сне продолжал махать косой. Тихо, невнятно что-то бормотал себе под нос вечно молчаливый Егор, — людей послушать, так это он разговаривать учится. Кто его знает, может, перед смертью и разговорится. Вскоре сон подкатил и к остальным.

Володька встал тихонько, вышел на волю.

Густой туман заволок вес кругом. От росы щиплет босые ноги. На огневище чуть-чуть тлеют головешки.

Заслышав шаги хозяина, из-за угла тотчас же выпорхнула Пуха, теплая, с былинками сена в шерсти. Она лизнула Володькины ноги и робко и заискивающе подняла к нему лисью мордочку с черным пятачком.

Володька долго разглядывал се. Потом он достал из кармана веревочку, присел на корточки.

Пуха съежилась.

— Стой как следует, — с угрозой прошипел Володька.

Подросла ли сколько-нибудь? Не поймешь. Вроде и подросла, а вроде и нет. Во всяком случае, узелок на веревочке, как и три дня назад, по-прежнему тонул в Пухиной шерсти.

Утром проспали — обычная история, когда к избе приезжает свежий человек. Пока умывались внизу, на речке, кипятили чайники, солнце съело росу. Чаи пили второпях — вот-вот, с минуты на минуту, подгонит лошадей Володька. Но напились чаю, прибрали посуду, а Володька не появлялся. Где Володька?

Стали кричать на разные голоса: «Володька, Володька!» — ответа не было.

— Порядочки, — покачал головой Кузьма.

Всем понятно было, почему нервничает Кузьма. Другим только спуститься под гору, перейти речку, и пожня, а ему надо попадать на Шопотки, куда и без машины не каждый заедет.

— Николай, — сообразил наконец Никита, — бежи за лошадями.

Колька вскоре вернулся верхом на гнедухе.

— Нету лошадей — ушли! — весело, точно радуясь, отрапортовал он.

Кузьма побагровел:

— Как нету? Я же ему что сказал? Связать?

— Ну да, там и веревками-то не пахло.

Topreading.ru

— Ах, сукин сын, сукин сын! Навязали мне ирода на шею. Николай, выручи…

— Ладно, — Колька покровительственно кивнул бригадиру. — Лошади сейчас будут.

Но что это? Бах, бах…

— Вот он, дьяволенок, — торжествующе сказал Никита, указывая рукой на лес. — Ружьичишком забавляется, а мы жди…

Поднялась страшная ругань: сколько еще терпеть? До каких пор этот прохвост будет измываться над ними!

В трудколонию его-там живо шелковым сделают… Да, многое прощали Володьке: сирота, без отца растет. Но должен же быть предел!

…Сначала, как и положено, появилась Пуха, а потом уже следом за ней, раздвигая кусты, вышел охотник. На минуту он остановился, победно оглядывая людей, затем высоко поднял правую руку, и все увидели в ней рыжего зверька с белым окровавленным брюшком. Володька шел не спеша, вперевалку, в такт шагам покачивая светлой взлохмаченной головой. За плечом ружье, вокруг пояса широкий брезентовый патронташ-самый заправский охотник.

А Пуха? Что творилось с Пухой? Она юлой кружилась вокруг своего хозяина, забегала вперед, на секунду останавливалась, глядя на него своими маленькими блестящими глазами, затем поворачивала ласковую, торжествующую мордочку к людям: да посмотрите же, посмотрите на него! Ведь это Володька, Володька…

Сияло солнце, птицы пели на каждом кусте…

И вдруг все померкло. Большой, громадный человек тучей надвинулся на Володьку, выхватил у него белку и — раз, раз — прямо по лицу. На скулах у Володьки показалась кровь.

Пуха завыла.

Никто не ожидал такой развязки. Бабы зароптали:

— С ума сошел! Свет перевернется — на час опоздал.

— Нехорошо, Кузьма Васильевич! Не своего бьешь — сироту.

Кузьма отбросил белку в сторону, круто обернулся к бабам:

— Какой он, к черту, сирота! Меня отец в его годы драл как Сидорову козу.

— Дак то отец…

— А мой отец, ежели напакостил, одинаково драл и своих, и чужих. И мне наказывал. Понятно? — и Кузьма широким, размашистым шагом пошагал к косилке.

Внизу, за избой, раздался топот, веселый захлебывающийся крик, — это Колька поскакал за лошадьми.

Володька, бледный, закусив губу, водил зелеными округлившимися от злости глазами вокруг себя. Он одинаково ненавидел сейчас и тех, кто ему сочувствовал, и того, кто так жестоко обидел его. Возле него виновато терлась Пуха со злополучной белкой в зубах. Володька в

ярости отбросил ее пинком. Пуха перевернулась в воздухе и, жалобно взвизгивая, покатилась по выкошенной пожне.

Колхозницы, еще несколько минут назад выказывавшие ему сочувствие, замахали руками:

— Дурак! Худо тебе попало!

— Собачонка вокруг него так и эдак, а он куражится.

— Чего набычился? Вытри рожу-то — не на спектакле.

В самом деле, глупо было стоять вот так, у всех на виду. Володька прошел в сенцы, скинул с плеча ружье, снял патронташ и, войдя в избу, бросился на постель.

За стеной, на улице, разговаривали, смеялись бабы, стучал ключом Кузьма, выверяя косилку перед отъездом, время от времени подавал голос Никита: «Ни-ко-лай!»

А Володька, уткнувшись лицом в старый, заскорузлый и провонявший потом ватник, одновременно служивший ему подушкой, молча глотал слезы, скрипел зубами. Временами он забывался, — сказывалась бессонная ночь, потом внезапно просыпался и снова, истерзанный бессильной яростью и усталостью, проваливался в зыбкую, как болотный мох, дрему…

Что случилось? Откуда топот, ржанье? Ах да, Колька привел лошадей…

Он поднял отяжелевшую голову, сел. Как быть? Выйти на улицу или уж лучше обождать, когда все уберутся на пожню? Нет, черт подери, он выйдет! Выйдет! Хотя, бы только для того, чтобы увидеть, какая кислая рожа будет у Кольки, когда его попрут на Шопотки.

Володька вскочил на ноги, отыскал на окошке, осколок зеркальца, перед которым наводила красу Параня, начисто стер с лица следы беличьей крови.

Возле избы, как всегда перед отъездом на работу, взнуздывали лошадей, прилаживали к спинам войлоки — хоть и близко до пожни, а на лошадях лучше, по крайней мере ноги не замочишь, перебираясь через речонку. Кузьма с помощью Никиты запрягал Налетку — дрянь кобыленка, ни секунды не постоит спокойно. И лишь Колька, картинно развалясь у стола и попыхивая папироской, не принимал участия в общей суматохе. Как же, герой! Что, мол, ему пустяками заниматься. Он свое дело сделал…

Ладно, посмотрим, как запоешь сейчас!

Володька, до сих пор поглядывавший на людей сквозь щель в сенцах, подался к проему раскрытых дверей.

— Кузьма Васильевич, а Кузьма Васильевич! — живо воскликнул Колька. — А Володьку не хочешь? Он на тебя уж час смотрит влюбленными глазами.

Ну, гад, погоди! Дорого ты заплатишь за это! И Володька, трясясь от бешенства, шагнул через порог.

Он был уверен, что и на сей раз все кончится злой шуткой, но, к его великому удивлению, Колькины слова приняли всерьез: надо сначала с Грибовом управиться, а потом уж наваливаться па Шопотки. Пускай сперва Кузьма один едет, а для веселья хоть Володьку возьмет, — не все ли равно, где тому хлебы переводить?

Кузьма подумал, коротко сказал:

— Уговорили.

— Не поеду! — отрезал Володька. Он давно уже ждал этого момента.

Его стали упрашивать, уламывать — один Кузьма ни слова.

— Сказал, не поеду. Чего пристали?

— Пристали? — Кузьма вдруг выпрямился во весь свой громадный рост, повел бровью: — А ну, живо! Забирай свое барахлишко!

Володька с ненавистью посмотрел ему в лицо, потом плюнул себе под ноги и, сопровождаемый тревожными и по-собачьи преданными взглядами Пухи, пошел в сенцы.

От Грибова до Шопотков считается пять верст. Но кто хоть раз попытался установить, что такое крестьянская верста!

Впрочем, дорога вначале как дорога-даже радуешься, попадая с солнцепека в лесную прохладу.

Внизу-Черемшанка: всплеснет, взыграет на дресвяных перекатах и снова нырнет в густой, непролазный ольшаник. Иногда в отлогом берегу увидишь песчаные размывы с лунками, с помятой травой вокруг и порыжелыми обломанными ветками — не иначе как зверь выходил на водопой. Хороша и правая сторона дороги: высокий сосняк, прошитый белой березой, и, куда ни глянь, всюду россыпи голубики — будто небеса спустились на землю.

Но так только вначале. А вот переедешь мокрую ручьевиию, сплошь заросшую собачьей дудкой да кустистым лабазником, и начинается черт те что: замшелый ельник, сырость, комар разбойничает…

Володька, ворочаясь, ерзая на мослаковатой хребтине, бился, как на муравейнике. Но вскоре стало и того хуже: на голову надвинулись еловые лапы, и ему пришлось раскланиваться чуть ли не с каждой елью. И всякий раз, когда он разгибался, глаза его натыкались на одно и то же — на ненавистную спину Кузьмы. Крепкую, широкую, окутанную серым облаком гнуса. Но тот хоть бы рукой пошевелил. Качнется, когда колесо косилки наскочит на корень или колодину, и снова как пень. Неподвижный, молчаливый.

И это каменное спокойствие и невозмутимость больше всего бесили Володьку. Как будто так и надо — съездил человеку по морде — и радуйся. Конечно, он, Володька, виноват: надо было эту кобыленку связать, раз она такая прыткая. Но, ежели правду говорить, для кого он торопился к избе? Может, Никиту да Параню не видал? А всю ночь не спал, за белкой гонялся?

И чем больше он распалял себя, тем с большей изощренностью обдумывал будущую месть. Поджечь дом, изувечить корову — пусть-ко он без коровы с ребятишками помается… Нет, не то. Не по-мужски. Уж ежели сводить счеты, то сводить с ним самим. Подкараулить, например, ночью и камнем из-за угла, или залезть на крышу и чурку на голову…

Так думал Володька, качаясь под низким навесом ельника и отбиваясь от комаров. Иногда он доставал сухарь, грыз сам, бросал Пухе, семенившей сбоку — ведь они с утра ничего не ели, — и снова, наткнувшись взглядом на широкую, несокрушимую спину Кузьмы, возвращался к мыслям о мести.

Миновали еще один ручей с высокой, жирной, годами не выкашиваемой травой, потом переезжали небольшое болотце. Лошади проваливались, колеса косилки вязли.

Кузьма рубил ольховые кусты, елки — все, что попадало под руку, бросал под колеса. Помогать? Нет, Володька и не подумает.

За болотцем снова ельник и снова поклоны направо и налево. Когда же это кончится?

А кончилось неожиданно: впереди вдруг распахнулись синие ворота неба, дорога покатилась вниз, и они выехали к речке. Кузьма остановил лошадей перед самым спуском к воде, слез с косилки, расправил занемевшие плечи — с наслаждением, до хруста. Прислушиваясь, сказал:

— Слышишь, журчит? Тут ключи со дна бьют, дресва шевелится — вот и похоже на шепот. Верно?

Володька, не отвечая, хмуро смотрел по сторонам. Шепот-то есть, а где же трава? Действительно, кроме маленькой и то наполовину затянутой ивняком пожни, на которой они сейчас стояли, вокруг, не было никаких покосов. Справа — лес, слева — лес, и на том берегу, за кустами, тоже лес.

Кузьма, похрустывая галькой, спустился к Черемшанке, перешел ее вброд — вода была чуть-чуть повыше щиколотки.

— А ну, давай сюда.

Чего давать? Ехать? Пешком идти? Володька поехал.

— Сейчас начинается самое трудное, — сказал Кузьма. — Попробуем сперва без машины.

Раздвигая кусты, он пошел вперед. Володька — за ним. Замелькали просветы, потом показался калтусзыбкая болотина, затянутая реденькой осокой и лопушкой.

Кузьма ступил на калтус-начал проваливаться.

— Вишь что делается. — Он выбрался на твердую почву, поковырял носком сапога трухлявую валежину из березы — такие валежины, как белые кости, из конца в конец покрывали калтус.

— Тут раньше настил был — вон туда, на кусты, Нуко, толкни коня.

Володька «толкнул». Валежины хрупнули, и конь провалился до брюха.

— Да, задача… — Кузьма, задумавшись, почесал затылок.

Чеши, чеши! Надо было раньше чесать. А в общем, какое ему дело? Не он затеял эту прогулку на Шопотки.

И Володька с подчеркнуто безучастным видом продолжал горбиться на коне.

— Ладно, — сказал Кузьма, — двигай к избе. Ты бывал на Шепотках? Нет? Тут она близко. Калтуе да кусты проедешь — и изба. Никита говорил, что в сенцах коса должна быть. В общем, обживайся, а я что-нибудь стану соображать.

Да, помирать будет Володька, а и тогда вспомнит этот калтус. Качалось небо, качался лес — всё ходило ходуном. Конь натужно, с храпом выбрасывал передние ноги, хлопался мордой в

жидкую грязь, отфыркивался и снова месил болотину. У Володьки несколько раз мелькало в голове-всё, конец, не выбраться, и он уже намеревался сползти с коня или как-нибудь завернуть его обратно, и он сделал бы это, если бы не Кузьма. Унизиться перед заклятым врагом, признать себя побежденным — вот, мол, без тебя никуда не попал — ну, нет! Лучше издохнуть в этом калтусе! И, чувствуя, как его до слез прожигает новый прилив ненависти, он стискивал зубы, рывком бросал свое тело вперед, чтобы помочь коню…

Когда он выбрался из трясины, у него не было сил, чтобы оглянуться назад. Да и не все ли равно, смотрит на него Кузьма или нет…

Вид избушки окончательно доконал его. Старая, скособочившаяся, она со всех сторон заросла высоким ельником крапивы — непременной спутницы всякого запустения.

На обомшелой крыше грелись ящерицы, и, когда он бросил на землю заплечный мешок, они с сухим треском зашуршали по тесницам.

Вид избушки окончательно доконал его. Старая, скособочившаяся, она со всех сторон заросла высоким ельником крапивы — непременной спутницы всякого запустения.

На обомшелой крыше грелись ящерицы, и, когда он бросил на землю заплечный мешок, они с сухим треском зашуршали по тесницам.

Он заглянул в сенцы (для этого пришлось ползком пробираться через обвалившийся проход) — крапива; заглянул в избу-зеленый полумрак, комары всхлипывают.

На рухнувших нарах дотлевает сенная труха, вместо каменки — груда камней…

Надо было, однако, что-то делать. Коса, о которой говорил Кузьма, оказалась не в сенцах, а на потолке избушки. Заржавела, косье свело: кто-то, видно, вырубил елку, обстругал, кое-как приладил к пятке и бросил — ни себе, ни людям.

Но как попала сюда коса? В этом году Никита не был на Шопотках — Володька знал точно. Может быть, прошлым летом кто заезжал? Ведь уж который год идут разговоры: надо взяться за Шопотки. А вот охотников не находилось-дошлый народ! Поджидали, когда этот Кузя из города приедет.

Володька выкосил крапиву в сенцах, около избы, отгреб. Кузьма не подавал о себе никаких вестей.

Палит солнце. Мрачный ельник стеной упирается в небо. Лупоглазые ящерицы смотрят с крыши… И такая тоска вдруг взяла его, что он не выдержал — закричал. Никто не ответил ему. Даже эхо, хоть маленькое эхо, и то не откликнулось на его призыв.

Он откинул ногой полость свернувшегося войлока, пал па него ничком. И за каким дьяволом он поехал сюда?

Девок испугался-засмеют, бедного. Ну и что? Разве от смеха умирают? Губы пересохли, хотелось пить.

Он сходил к речке, напился.

Где Кузьма? Неужели все еще «соображает»? Люди глупее его были — калтус мостили. А он,

поди, особенный, по воздуху на машине проскочить хочет…

Сморенный жарой, усталостью, Володька незаметно для себя задремал. Во сне ему снилось раздольное Грибово, девчонки, со смехом купающиеся на плесе. Нюрасчетоводша в красном купальнике и почему-то в больших меховых рукавицах, вывернутых наизнанку шерстью, бегала за ним по лугу…

Вот оно что! Пуха, сатана, привалилась. Володька с досадой оттолкнул ее от себя, сел. Ему показалось, что в кустах, у реки, справа, будто что-то треснуло. Пуха, поджав хвост, настороженно смотрела туда. Неужели зверя чует? А что, вылез к реке пить, а тут конь на лугу… И, холодея, Володька невольно скосил глаз на избу. Без дверей…

— Но-но!.. — вдруг отчетливо услышал он человеческий голос.

Да ведь это Кузьма!

Володька вскочил на ноги, побежал к речке. Верхушки кустов над речкой качались, треск, шум-будто жернова ворочают. Как он туда залез? Под ногами обрывистый спуск к воде… Володька не раздумывая прыгнул на дресвяный берег…

Невероятно! Рекой… Прямо рекой ехал Кузьма! Точно водяной на своих рысаках — Володька видел где-то картинку: старик с длинной седой бородой, на голове корона, в руках вилы…

Володька кинулся в воду, закричал:

— Давай, давай! — Потом, сообразив, что надо делать, зашлепал вверх по реке. — Сюда, сюда! — опять закричал он, увидев впереди, за поворотом, отлогий берег.

Лошади, навьюченные мешками, корзиной, вышли на берег пошатываясь. С них ручьями стекала вода.

Кузьма отжал подол рубахи, штаны, шумно, как конь, отряхнулся. Глаза его, залитые потом, возбужденно блестели.

— В одном месте все-таки нырнул. Хлебы, наверно, подмокли.

Володька готов был слушать до бесконечности. Черт знает что! Из реки дорогу сделать… Надо же придумать такое! Но Кузьма коротко бросил:

— Поехали.

У избы сняли мешки, корзину, распрягли лошадей.

Кузьма заглянул в сенцы, заглянул в избу.

— Ты что, па курорт приехал?

Всё вернулось к старому. И Володька, сразу помрачнев, буркнул:

— Ты сказал, у избы выкосить…

— А сам-то не понимаешь, что надо? На крапиве спать будешь? Разжигай огонь.

Пухе язно была по душе трудовая суматоха. Она покрутилась возле пылающего, как вызов,

Topreading.ru

брошенный дремотным небесам, костра, побывала у лошадей, бродивших по брюхо в тучной траве, и даже осмелилась заглянуть в кусты — туда, где, будоража эхо, гремел топором этот непонятный и страшный для нее человек.

Кузьма вышел из кустов с огромной ношей свежих лесин, с грохотом бросил у избы.

— Давай подновим ее маленько.

Он выбрал еловую лесину, подал Володьке. Потом, став на колени, подвел свое плечо под осевший угол сенцев и начал приподыматься. Угол и крыша дрогнули и медленно поползли вверх.

— Ставь.

Володька, обхватив обеими руками стойку, поставил.

Угол сел на стойку.

— Так, — сказал Кузьма, разгибаясь и вытряхивая из-за ворота гнилушки. Одно есть.

Вслед за тем выбросили прогнившие нары из избы, перебрали каменку, затопили избу. Густой белый дым, поваливший из дверей, дымника, окошек, стал медленно расползаться но вечерней земле.

— Вот теперь можно и себя привести в божеский вид, — сказал Кузьма, не без удовлетворения оглядывая свое новое жилье.

Он развязал мешки, достал белье, кожаные тапочки и начал не спеша раздеваться. Снял рубаху, скинул сапоги, стащил порванные на одном колене штаны — остался в одних трусах.

Володька, ставя чайник на огонь, искоса посматривал на него. Здоровый, черт!

Кузьма вскинул на руку полотенце, белье, взял мыло.

— Тебе бы тоже не мешало. Посмотри, на кого похож.

— Мы не городские, — съязвил Володька. — Это в городе к одноколону привыкли. — Слово «одеколон» он нарочно произнес на простецкий лад.

— Дурак, — сказал Кузьма и направился к речке.

Он шел осторожно, непривычно ступая босыми ногами по смятой траве и заметно припадая па левую ногу — ниже колена она была сплошь исполосована глубокими рваными рубцами.

«На войне был», — подумал Володька и тут же довольно усмехнулся: Кузьма, подстегиваемый комарами, вынужден был перейти на бег. Сначала качнул одним плечом, потом другим и закачался, как лось на разминке, лениво, нехотя выбрасывая длинные ноги.

В предзакатной тишине слышно было, как он плещется в воде, шумно отфыркивается. Пуха, томимая любопытством, раза два приближалась к прибрежным кустам, но спуститься к речке не решилась.

Вернулся Кузьма посвежевший, с мокрыми, зачесанными назад волосами, в белой чистой рубашке, заправленной в легкие матерчатые штаны, на ногах тапочки — совсем как с

Topreading.ru

прогулки. Выстиранную рабочую одежду развесил на кольях около огня.

— У тебя что из харчей? — спросил он, роясь в своей корзине.

Володька промолчал. Какое ему дело до его харчей?

И, глядя, как Кузьма засыпает в котелок пшено, подумал, что неплохо было бы и ему что-нибудь сварить, хотя бы трески, — валяется где-то в мешке звено. Но тут же мысленно махнул рукой: не привыкать — и чаю похлещет.

Чайник давно уже вскипел, но Кузьма затеял еще точить косу. Как будто нельзя подождать до утра! Володьку мутило от голода, ноздри щекотал вкусный аромат пшенной каши, булькающей в котелке, и, вращая брызжущее искрами точило, он на все лады клял этого бесчувственного чурбана.

Когда они сели наконец за стол, солнце уже закатилось. Холодная сырость наползала из кустов.

Володька достал из мешка бутылку с постным маслом, налил в кружку, запустил туда ржаной кусок.

— Единоличниками будем? — сказал Кузьма, снимая с огня котелок с кашей.

Володька ниже наклонил голову к кружке. И какого черта ему надо? Может, еще, как жрать, учить будет?

Кузьма поставил дымящийся котелок на середину стола, положил в него огромную ложку топленого масла.

— Ешь.

— У меня свое есть, — проворчал Володька.

— Ешь, говорю. — Кузьма сел напротив, подвинул к нему котелок. Насмотрелся я вчера на вас на Грибове — тошно… Каждый уткнулся в свой котелок… Ну? — Кузьма нетерпеливо повел бровью.

Володька полез в мешок за ложкой. «Хрен его знает, что у него на уме. Тяпнет еще ни за что ни про что. Ладно, пущаи мне хуже будет, — решил он, подумав. — У меня сухари да треска — немного поживишься».

— А Пуху-то мы и забыли! — Кузьма встал, кинул несколько ложек каши на газету, положил на землю сбоку стола. — Надо будет корытце ей вырубить.

Пуха, облизываясь, несмело подошла к каше, вопросительно уставилась на Володьку.

— Ладно, чего уж… — Володька отвел взгляд в сторону, и Пуха бойко захлопала языком.

После этого Володька думал, что Кузьма начнет извиняться, оправдываться — так и так, мол, погорячился давеча. На Грибове всегда так делали: сначала прикормка, а потом примирение.

Ничуть не бывало!

Поужинав, Кузьма молча поднялся, сам вымыл посуду на речке и стал устраиваться на ночлег.

Володька собрался было вязать лошадей.

— Не надо, — сказал Кузьма. — Сегодня намаялисьникуда не уйдут. А вот от зверя, пожалуй, что-нибудь надо.

Он сходил в лесок, зажег старый муравейник.

В избе легли на полу — окошки и дьшник заткнули травой, вместо дверей подвесили парусиновую мешковину.

Тихо, темно, как в погребе. Где-то над головой пищит одинокий заблудшийся комар. За стеиой бродят, похрустывая травой, лошади.

Володька достал папироску, закурил.

— Ну вот что, — сказал Кузьма, — этого я не люблю.

Хочешь — выходи на улицу.

Володька, чертыхаясь про себя, нащупал сбоку траву, вдавил папироску. Ну и жизнь — дышать скоро по команде. И тут ему опять вспомнилось жигье на Грибове — вольготное, бездумное, с шутками, с разговорами. Нет, удирать надо, удирать. А то зачахнешь, дикарем станешь в этой берлоге.

Он прислушался к дыханию Кузьмы. Спит. Не выйдет!

Задобрить, прикормить хотел… И новая вспышка ненависти опалила Володьку.

Первый раз так обидели его и даже не сочли нужным оправдываться.

— Вставай, вставай, соня!

Володька продрал глаза. Полость в дверях откинута, светло. Он нащупал рядом с собой сапоги, натянул на ноги. На улицу вышел заспанный, злой.

Солнце еще только-только отделилось от кромки леса.

Густая роса, как крупная соль, крыла траву. Жарко трещит огонь.

Увидев Кузьму, Володька остолбенел. Кузьма без рубахи, голышом сидел за столом и брился. Для кого это он старается? Кобыле, что ли, хочет понравиться?

— Пошевеливайся, — сказал Кузьма, не оборачиваясь.

Когда Володька вернулся к избе, Пуха ела вчерашнюю кашу. Он с презрением посмотрел на нее: продалась, подхалимка!

Попили чаю.

Володьку разморило. Шею, спину пригревало солнцем.

Сладкий дымок муравейника, все еще тлеющего в леске, приятно дурманил голову. Облокотившись на стол, он угрюмо, исподлобья поглядывал на Кузьму, запрягавшего лошадей

Topreading.ru

в косилку. И за каким дьяволом он встал ни свет ни заря? А еще в городе жил. У них в деревне и то понимают, что к чему. На Грибове сейчас изба трещит от храпа. Но сам он-пущай. А зачем его-то будить? Добро бы лошадей привести надо, а то тут они-от избы не отгонишь.

— Ну, ты готов?

Куда еще готов? Володька нехотя поднялся.

— Поехали! — Кузьма вскочил на косилку, пружины сиденья жалобно охнули.

И опять, как вчера, торчит перед ним спина-широкая, необъятная, только на этот раз в белой рубахе. Что же он, так и будет изо дня в день любоваться этой спиной?

Проехали узкий перешеек, заросший ивняком.

Мать честная, мыс! Большой, опоясанный Черемшанкой мыс. Как на Грибове. А за мысом еще мыс, а за тем мысом тоже мыс. А трава? Пырей самолучший, по пояс.

Володька подивился: сколько добра каждый год пропадает, а коровы весной от бескормицы дохнут.

Кузьма натянул вожжи, опустил пальчатый брус.

— Учти, — сказал он, оборачиваясь к Володьке, и улыбнулся. Первый раз улыбнулся за два дня. — Учти, — повторил Кузьма, — момент, можно сказать, исторический.

До нас здесь никто с машиной не бывал.

Дрогнула, рассыпала дробь косилка. Лошади, помахивая головами — нелегко тащить такую телегу по брюхо в траве, — пошли вдоль речки, тесно прижимаясь к кустам.

Правильно, подумал Володька, надо сперва от кустов откосить, а потом только кружи. Но зачем его-то сюда было тащить? Момент исторический запоминать?

Он сбил сапогом росу с пласта травы, сел, закурил.

Пуха, привстав на передние ноги, внимательно смотрела в сторону Кузьмы.

— Не видала, как косят! — Володька схватил клок травы, запустил в Пуху.

Меж тем Кузьма сделал круг:

— Хочешь попробовать?

Володька пожал плечами, встал. Чего пробован? Неужели он думает, что Володька круглый идиот? На сенокосе третье лето живет, да чтобы такой техникой не овладеть?

Володька решительно подошел к косилке, взгромоздился на сиденье. Попробовал ножные педали — порядок, попробовал ручной рычаг — порядок. Пуха просто рагцвела. Любит, глупая, всякие машины.

Володька околесил мыс, подъехал к Кузьме.

— А ну, дай еще круг.

Topreading.ru

Володька дал еще круг.

— Так что же ты молчал? Я все утро ломаю головумашина будет простаивать… Давно косишь?

Предательская краска залила лицо Володьки. По правде говоря, его и близко не подпускали к машине — разве так, нахрапом проедешь у Никиты, потому что больно уж задается Колька. Но, с другой стороны, нечего и прибедняться: трава-то одинаково свалена что Кузьмой, что им.

И потоку, слезая с косилки, он уклончиво ответил:

— Приходилось.

— Ладно, — сказал Кузьма. — Я пройдусь по пожням.

Тут весной топит-хламу, наверно, пропасть. — И пошел, пошел, как двухметровку, переставляя ноги.

У Володьки перехватило дыхание. Так что же это? Ему косить? Так надо понимать?

— Заело чего-нибудь? — спросил, оборачиваясь, Кузьма.

Как бы не так! Володька живо вскочил на сиденье.

Огромный сияющий мир, расцвеченный утренним солнцем, закачался перед его глазами. Блестит, переливается зернистая роса на траве, высокие ели с поднебесья смотрят на него…

Ну, Колька, берегись! Нос-то теперь поопусти маленько. Да и Нюрочка: «Привет колхозному конюху». Придется новые словечки выучить. А Никита, Параня? Глаза па лоб вылезут, когда увидят его на косилке. И в правленьеруками разведут: «Вот тебе и Володька! Слыхали, что, стервец, делает? На косилке на пару с Кузьмой строчит».

Все эти мысли, набегая одна на другую, разом пронеслись в голове Володьки. Глаза его щурились от непривычной улыбки, от солнца. Рядом по свежескошенной траве семенила Пуха, мокрая, но очень довольная, постоянно поглядывая на него сбоку. Изредка хлопал топор — это Кузьма расчищал от хлама пожню. И когда он нес на плечевалежину, поднимая из травы ноги, на каблуках его мокрых сапог слепяще вспыхивали шляпки железных гвоздей.

«Подковался, как конь», — подумал Володька.

Но вот и Кузьмы нет — перебрался на соседний мыс.

Володька остался один — один на целом покосе. Полный хозяин! Вот как жизнь обернулась. А потом приедут люди, будут сгребать сено-сено, накошенное им. Надо только почище косить. Чтобы не говорили: «Володченко тут, бес, чертил. Что с него взять?» А вот так не хотите! «Ну и золотые руки у коснльщика-дай ему бог здоровья! Грабли сами бегают». И когда на взгорбинах, на поворотах или на кротовых холмиках коса шла юзом, подминая траву, Володька терпеливо поднимал пальчатый брус, очищал его от земли, пятил лошадей назад и снова прокашивал.

Один за другим ложатся травяные ряды. Лошади уже в мыле — густая трава, да и жара. Ему приходится время от времени слезать с косилки, щупать под хомутами. Не хватало еще, чтобы лошади у него сбили плечи… Паршивая эта кобылеккз Налетка — все время, тварь, хитрит.

Мало ему из-за нее досталось, так нет, и тут номера выкидывает: то мордой в тразу зарывается — будто век не жрала, то в сторону норовит, а то опять из хомута назад вылезает — тащи

Мальчик один. Володька хлестал ее ременкой, приговаривал:

— Вот тебе, вот тебе! Я тебя выучу.

Душно, пот одолевает. Сыромятные вожжи в руках раскисли. Пуха — тоже бестия не последняя — забралась от жары в траву. А все-таки чувствует, что к чему. Раз хозяин работает, то и она по своей собачьей вере трудится: ползет сбоку, путает траву.

Ах, ежели бы выкупаться… Мысль эта появлялась у Володьки каждый раз, как он приближался к речке, но он тотчас же отгонял се, как надоедливого овода. А ну увидит Кузьма? Хрен его знает, как он посмотрит. Все же Володька догадался снять верхнюю рубаху — стало немного легче…

Когда из-за кустов показался Кузьма, мыс был выкошен наполовину.

Володька еще издали увидел в руке Кузьмы порядочную щуку — пожалуй, не меньше топорища, — болтающуюся на прутике, но подъехал к нему внешне спокойный, никак не выказывая своего удивления. Во-первых, Володька сам немало ловил щук на Грибове, а во-вторых, пусть-ко он удивляется.

И Кузьма удивился.

— Порядочно сдул, — сказал он, оглядывая мыс.

— Ничего, лошаденки тянут, — уклончиво, тоном опытного косильщика сказал Володька.

— Отдыхал? Надо давать передышку. — Кузьма пощупал под хомутами, вытер о траву руку.

Володька все же сказал, указывая глазами на щуку:

— Большая дура. Килограмма на полтора будет.

— Щука-то? — Губы Кузьмы, обветренные, в трещинах, расползлись в довольной улыбке. Он приподнял полосатую рыбину, словно пробуя на вес. На мели зарубил.

Харчи у нас неважнецкие — придется на довольствие к реке вставать.

— Можно, — сказал Володька.

Кузьма поправил топор на ремне, кивнул:

— Ладно, покрутись еще с часик, а потом я сменю.

Большой, высокий был Кузьма, но до чего же все у него складно! Даже топор на ремне не отвисает, как у других, — влип в железную скобу, как маузер. И сапоги — обыкновенные кирзовые сапоги, не лучше, чем у Володьки. Но тоже как-то по-особому выглядятможет быть, оттого, что немножко голенища отогнуты?

«А волосы-то у него, как у меня, светлые», — вдруг подумал Володька, провожая глазами шагающего по лугу Кузьму, и это неожиданное открытие немало удивило и в то же время обрадовало его.

«А волосы-то у него, как у меня, светлые», — вдруг подумал Володька, провожая глазами

шагающего по лугу Кузьму, и это неожиданное открытие немало удивило и в то же время обрадовало его.

Вскоре над кустами, там, где была изба, задрожал прозрачный дымок.

Интересно получается, думал Володька, он косит, а начальство кашеварит. Ежели сказать кому, не поверят.

Но сам-то он находил это в порядке вещей. Не удивляются же на Грибове, когда Никита лежит, а Колька косилку мозолит. А почему он, Володька, не может?

Кузьма явился с Тузом-таким же, как Мальчик, рослым и ступистым мерином рыжей масти.

— Ну, отдыхай, — сказал Кузьма. — Заработал, Там тебя щука ждет.

Володька связал на веревку Налетку, с достоинством, не спеша, все еще расправляя занемевшую спину, подошел к избе. Культурненько! Стол накрыт газетой, в миске под зеленым лопухом — полщуки, ровно полщуки. Вот человек — поровну делит!

Ему страшно хотелось есть — щука рассыпчатая, в больших желтых крапинках коровьего масла, но он скинулсапогн и, раздевшись до трусов, побежал к речке.

Все хорошо-и купанье, и еда. Володька мог поклясться: никогда еще в жизни не ел такой щуки! Какая-то особенная!

Он сидел у избы один. Березы, сморенные жарой, не шевелили ни единым листышком. Но осинки лопотали, тихо, но лопотали. Пуха, похрустывая, продолжала еще перебирать щучьи кости.

«Надо будет и мне заарканить щуку, — подумал Володька. — Долг платежом красен. На ночь можно крючки лягухои наживить, а сейчас пройдусь с блесной».

В кустах напротив избы он срезал немудреное удилище, приладил к нему жилку с блесной. Отправляясь на рыбалку, он нарочно решил пройти мимо Кузьмы — пусть посмотрит: и мы умеем расплачиваться.

Кузьма докашивал мыс-только маленький островок травы оставался посредине. Завидев его, окликнул:

— Куда?

Володька солидно, становясь на равную ногу, ответил:

— Да вот, не могу ли щучонка какого зацепить.

— Я же тебе что сказал? Отдыхай! Носом клевать будешь? — И Кузьма, считая вопрос исчерпанным, погнал лошадей.

Володька постоял-постоял и, покачав головой, повернул обратно. Ну, отдыхать так отдыхать. У избы, поставив к стене удилище, он опять задумался. Смехота! Отдыхать…

Пуха сунулась было за ним в избу, но Володька строго на нее посмотрел:

— Твое дело какое? Сон хозяина охранять. Поняла?

В избе прохладно, пахнет продымленным сеном. Сквозь окошки, заткнутые травой, просачивается зеленый свет, и кажется — ты нырнул на дно реки, заросшей водорослями. Но Володька все еще не мог свыкнуться с мыслью об отдыхе. То есть в том, что он лежит сейчас в избе, не было ничего особенного. На Грибове иной раз до того долежишь — бока одеревенеют. Но тут… Тут другое. Тут прямо тебе говорят: отдыхай. Вот, мол, поработал-и отдыхай. И Кузьма там знает, что его напарник не просто лежит, а отдыхает…

Да, так среди бела дня — по всем правилам — и отхрапел Володька часа два, пока не явился Кузьма и не разбудил его.

Кузьма был мокрый от пота, дышал тяжело, как лошадь, только что выпряженная из косилки. Сидя у стола и отирая ладонью мокрое, блестящее лицо, он поделился своими огорчениями:

— Тяжело. Кроты землю изрыли — коса все юзом.

— Это на новом мысу? — посочувствовал Володька.

— На новом.

— Надо косу поднять, — сказал Володька.

— Подымал — не помогает. И колеса вязнут. Земля тут рыхлая. — Кузьма натянуто усмехнулся. — Бог, наверно, когда делал эти Шепотки, не рассчитывал, что тут на машине будут ездить. А мы забрались…

Володьке очень нравилось, что с ним вот так, по душам, на полном серьезе, ведут деловой разговор, и он не без внутреннего сожаления сказал, принимая подобающую позу:

— Пойду поскребу сколько-нибудь.

— Погоди. — Кузьма тяжело поднялся. — Коса засеклась — надо поточить.

Володька взял косу, стоявшую у стены, с готовностью протянул Кузьме.

— Давай ты, — сказал Кузьма и взялся за ручку точила.

Володька покраснел:

— Я не умею.

— А я вчера точил, ты глазами хлопал? И посуду тоже мыть надо, жестко добавил Кузьма, кивая на стол. — Няньки здесь не положено.

Черт знает что за человек! Начали было жить по-человечески, так нет — обязательно настроение испортить надо.

Володька уходил на покос мрачный, насупленный. Но, поразмыслив дорогой, он должен был признать, что Кузьма, пожалуй, прав. На самостоятельность бьет. Чтобы он, Володька, значит, по всем линиям… Ох и хитер мужик!

И когда он сел на косилку, жизнь снова гремящим, многоцветным праздником заиграла вокруг него.

Ему повезло, по-настоящему повезло. То ли оттого, что та часть пожни, на которой он косил,

Topreading.ru

была меньше изрыта кротами, то ли потому, что он был намного легче Кузьмы и лошади шли свободнее, или оттого, что сам он был ловчее Кузьмы — и такая мысль приходила ему в голову, — но как ни гадай, а за этот упряг он обскакал Кузьму.

И Кузьма, когда увидел скошенный им участок, просто ахнул:

— Здорово! Крепко выдал, Владимир.

Да, так и сказал. — «Владимир».

Шуршит под ногами подсохшая за день трава. Огромные, богатырских размеров тени шагают рядом с ним и Пухой. И, глядя на эти качающиеся, распростершиеся по всему лугу тени, Володька чувствовал себя большим и сильным, круто повзрослевшим за один день.

Вот где в рост пошел! На Шопотках! — думал он, приближаясь к избе. То-то он в последнее время каждую ночь летает во сне.

Закат угасал медленно. Воздух еще не остыл, а в низинах уже ночь расстилала белые холсты туманов. Ожили, заговорили ключи на речке. О чем они шепчутся, бормочут?

В тот вечер, сидя у избы (надо было дать лошадям передышку), они разговорились.

— Кузьма Васильевич, — спросил Володька, — а целина — это только там, в Сибири? Больше уж нигде нету?

Кузьма, подтягивая гужи у хомута, озадачеипо поднял голову.

— Ну вот здесь, у нас, на севере… Не может быть этой целины? Или надо, чтобы трактора, комбайны?..

— А, ты вот о чем! — Кузьма улыбнулся. — Думаешь, что и мы с тобой целину подымаем? Подходяще бы! А в общем-то, не совсем. Русь-матушку расчищаем. Раньше тут под каждым кустом выкашивали — ужас сколько сена ставили…

— Интересно, — сказал Володька. — А на собраньях всё подъем да подъем…

— Ну и что! Дела-то в колхозе пошли лучше. — Кузьма помолчал, пытливо присматриваясь к Володьке. — А у тебя шарики шевелятся. В каком классе шагаешь?

— Отшагал… В шестой ходил.

— Что так? Науки не по нутру?

Володька напыжился, сказал:

— За дисциплину. С учительницей общего языка не нашел.

— Ничего! Жизнь припрет-найдешь. Я тоже не последний балбес был. А вот видишь, нашлись добрые люди — обломали.

Полодька, сдерживая дыхание, весь подался вперед.

Неужели и его выперли из школы?

Но Кузьма — непонятный все-таки человек — стал, накинул хомут на плечо.

— Хватит — посидели. Никита нагрянет, а у нас задела нет. Придется поднажать.

И они поднажали. Как следует поднажали! Косили днем и ночью. Ночью — хорошо, прохладно. А днем — чистое наказанье: зкой, дышать нечем, жгут оводы, и Володька, как на жцровне, крутился на железном сиденье.

Кончив смену, он добирался до избы, выпивал кружку кислого чая и замертво сваливался на постель.

Кузьма оброс рыжей щетиной, лицо его стало кумачово-красным, н, когда он открывал черные, запекшиеся губы, белые зубы его блестели нестерпимым блеском.

— Лошадей, лошадей смотри! Чтобы плечи не сбили, — постоянно твердил он одно и то же.

К вечеру четвертого или пятого дня их житья на Шопотках — все перепуталось в голове у Володьки — на западе засинело.

Кузьма забеспокоился:

— Что же они, проклятые, не едут? Зарядит дождьвсе наше сено кобыле под хвост.

«Действительно, — возмущался Володька, — чего они там копаются? Ведь и работы-то оставалось от силы на три дня».

За ужином Кузьма, тяжело ворочая негнущейся шееи, сказал:

— Ну, корежит меня — сил нет. Неужели погода сломается?

За ночь погода не сломалась, а вот Кузьма — Кузьма сломался.

Утром, когда Володька проснулся и вышел из избы, он увидел его возвращающимся с речки. Шел Кузьма вялым стариковским шагом, по-стариковски сгорбившись я вытянув вперед шею, обмотанную белым вафельным полотенцем.

— Чирьи вскочили. Наверно, оттого, что с жары выкупался.

— Бывает, — посочувствовал Володька.

Нет, это невероятно! У такого мужика заклепки сдали, а он, Володька, хоть бы что. Как кремень!

Гордость распирала его. Вот если бы сейчас кто-нибудь его увидел! Каково! Кузьма лежит у избы, а он, Володька, накручивает за двоих.

Но никто не видел его. Даже Пуха сегодня не плетется рядом с косилкой — прошла круга три и забилась в траву — жарко. Но что же спрашивать с Пухи, ежели сам Кузьма не выдержал?

На этот раз Володьку не ждал готовый обед. Заслышав его шаги, Кузьма буквально выполз из избы. На четвереньках, Как раненый зверь.

— Устал?

— Есть немного, — признался Володька.

— Сено как? Все пересохло?

— Еще бы! По валку идешь — труха.

— Вот народец! Ну, я до этого Никиты доберусь.

Скрипнув зубами, Кузьма сел на чурбак, начал разматывать полотенце на шее:

— Посмотри-ко, нельзя ли их к чертовой матери?

Крутая загорелая шея Кузьмы чудовищно распухла, палилась нездоровой краснотой. И из этой красноты злыми пауками проглядывали фурункулы-черные головки их угнездились у самого основания шеи-знали, где выбрать место.

— Ничего не выйдет, — сказал Володька. — Подкожные.

Невесело почаевничали, посидели за столом. Потом Кузьма встал, посмотрел на запад:

— Чего зря траву переводить. Отдыхай.

Вдруг Пуха подняла голову, настороженно уставилась на кусты, скрывавшие калтус.

Кузьма и Володька переглянулись.

— Вроде треск какой, — сказал Володька, прислушиваясь.

Конечно, треск. А вот и крик. Едут!

Кузьма облегченно вздохнул:

— Беги за водой — пой гостей чаем!

Володька схватил чайник, сломи голову побежал к речке. И зря, совершенно зря, потому что вместо гостей из кустов выехал Колька…

Завидев Кузьму и Володьку, он помахал им рукой:

— Привет колхозным трудягам!

«Ну и задавало! — подумал Володька, вглядываясь в бледное, но улыбающееся лицо Кольки. — Сам еле на коне сидит, а делает вид, что ему все нипочем».

Подъехав к избе, Колька спрыгнул с коня, небрежно поддал ему сапогом под зад:

— Иди подкрепись.

— Где остальные? Сзади? — спросил Кузьма.

Колька не спеша сощелкал пальцем комки грязи со своей полосатой рубашки, причесал мокрые волосы.

— Дорожка, однако. Как вы машину протащили? Я смотрел-смотрел — следов-то нет.

Володька решил поддержать авторитет Кузьмы:

— Кузьма Васильевич новую трассу проложил…

— Ладно, не в трассе дело, — нетерпеливо оборвал Кузьма. — Почему долго не ехали? Ждете, когда дождь грянет?

— Экий ты быстрый… У нас актив два дня носа не показывал, а ты захотел…

— У вас и без актива делать нечего, — опять вмешплся Володька. Его до глубины души возмущал тот снисходительный, небрежный тон, каким Колька разговаривал с Кузьмой.

— Твоя забота, знаешь, — поел и на бок.

Володька не удостоил Кольку ответом. Что ему расписывать себя! Пускай Кузьма скажет.

Но Кузьма — странное дело — промолчал.

— Грабли одни, двое пезете? — спросил он у Кольки.

— Завтра те и другие будут.

— Завтра? — Кузьма, закусив губу, попытался разогнуться.

— А тебя здорово, друг, скрутило. Чирьи?

Кузьма недобрым взглядом уставился на Кольку:

— Я говорю, почему завтра, а не сегодня?

Колька деланно усмехнулся, но марку выдержал:

— Чудак человек. Сено-то огородить надо? И потомсмотри, как парит. Умные люди говорят, к дождю.

— Так, — сказал Кузьма. — Дождичка ждете? А на Шопотках навоз разводить будем? Ну вот что, передан Никите: ежели он завтра — слышишь? — ежели он завтра утром ке пригонит грабли, я из него душу вытряхну. Так и скажи.

— Скажу. — Колька, еще не веря своим ушам, пролепетал: — Так мне, значит, на сто восемьдесят?

— А чего тебе здесь делать? Нам грабли нужны!

Через минуту Колька уже сидел на коне. К нему снова вернулась прежняя уверенность. Глядя сверху на согнувшегося Кузьму, он спросил тоном начальника:

— Сводка готова?

— Какая сводка, завтра бригадир приедет.

Колька нахмурил брови:

— Не одобряю. Нынче насчет дисциплинки, знаешь?

Topreading.ru

Кузьма поморщился:

— Езжай. Да лучше рекой — мы рекой ехали.

— Нет, ты серьезно? — Колька даже привстал от удивления. — А что? Это подходяще.

Уже спускаясь к Черемшанке, он оглянулся, крикнул:

— Володька, там бабы по тебе убиваются. Говорят, заели комары бедного. Что сказывать? — Колька громко рассмеялся и въехал в кусты.

— Паскудный растет парнишка, — сказал Кузьма.

В другой бы раз эти слова несказанно обрадовали Володьку, но сейчас он не придал им никакого значения.

Страшное подозрение закралось ему в душу. Как же так?

Он работал, работал, как проклятый работал, а на поверку выходит все по-старому. И там, на Грибове, попрежнему думают, что он, Володька, дурака валяет. А что?

Докажи, что ты не верблюд, и почему Кузьме было не сказать Кольке: так и так, мол, Владимир выручает. А то как воды в рот набрал. Нет, это неспроста. Ты ишачь, а трудодни дяде. Ловко придумано. Многовато заработаешь, Кузьма Васильевич. Нет, поищи другого. Мы тоже не лаптем щи хлебаем.

И остаток дня Володька работал спустя рукава. Стали лошади — пусть стоят. Захотелось выкупаться — пошел выкупался.

Пуха с явным неудовольствием посматривала на него.

«Ох, Володька, — казалось, говорил ее взгляд, — смотри, Кузьма узнает…»

— Да пошла ты к дьяволу! — взрывался Володька. — Шкуреха продажная! Прикормили кашей.

Вечером он пришел к избе угрюмый, подавленный, избегая встречаться глазами с Кузьмой.

— Что невесел? — спросил Кузьма.

— Голова болит.

— Плохо дело, не хватало еще, чтобы ты раскис. Пей чай да ложись может, за ночь и отлежишься.

Нет, за ночь Володька не отлежался. Утром вышел из избы сгорбившись, болезненно морщась от яркого света и шумно дыша — что-что, а разыгрывать сироту Володька умел как следует.

— Не полегчало? — с беспокойством спросил Кузьма.

Володька покачал головой.

Пополоскали кишки чаем. Солнце калило вовсю — только по краям, над кромкой леса, кое-где клубились легкие бурачки.

Topreading.ru

— А погодка-то разгулялась, — сказал Кузьма, — Вот наказанье. Приедут с Грибова, а мы оба на больничном.

Да не приедут, дурак ты эдакий, — хотелось крикнуть Володьке. Завтра ильин день-все к вечеру укатят. Специально тянут, чтобы поближе домой ехать. Он, Володька, например, еще вчера догадался, когда Колька начал дипломатию разводить. «Сено огораживать надо…» А от кого? Скот-то сейчас не на отгуле. Нельзя подождать? Тото и оно. Как ильин день, так людей на цепях не удержишь на сенокосе. Но с конюха спрос маленький, мысленно махнул рукой Володька. Чего он будет просвещать его? Грамотный. Должен понимать.

Меж тем Кузьма поднялся на ноги:

— Пойду. Может, сколько покошу. А то скоро нагрянут — задел у нас небольшой.

И он, согнув обвязанную полотенцем шею, пуще обычного припадая на раненую ногу, заковылял к лошадям, связанным на колу за избой. Чтобы отвязать веревку, он опускался на колени, потом медленно, точно поднимая стопудовую тяжесть, выпрямлялся. Снять веревки с лошадей ему все-таки не удалось, и они, извиваясь, ослепительно вспыхивая на солнце, поволоклись сзади лошадей.

Долго ни единого звука не было слышно в той стороне, куда ушел с лошадьми Кузьма. Но вот утреннюю тишину, как строчка пулемета, разорвал стрекот косилки.

«Поехал, значит», — с облегчением вздохнул Володька.

Он представил себе, каких мук стоило Кузьме запрячь лошадей в косилку, как качает его на каждой кочке и в каждой ложбинке и как судорожно, до темноты в глазах, ворочает он распухшей шеей, и ему стало не по себе.

Но он не сдвинулся с места. Пущай. Раз он так, то и ему так. Дурак, идиот! — ругал себя Володька. Тебе на глазах у всех в рожу заехали, а ты разнюнился, сочувствие выказываешь. Как мог забыть?

Он вслушивался в далекий стрекот косилки, невольно вспоминал, как еще вчера сам лихо разъезжал по лугу и с тоской думал о том, что уже никогда не повторится то, что он пережил в эти дни. Он чувствовал себя обкраденным, униженным. И слепая ярость, отчаяние душили его…

Смахивая слезу, он посмотрел на Пуху, которая, приподняв голову, внимательно прислушивалась к звукам, доносившимся с мыса, и вдруг разразился неистовой бранью:

— Паскуда! Сума переметная! Думаешь, не замечаю, как ты к нему липнешь! — Он схватил со стола кружку, швырнул в Пуху.

Пуха увернулась и вдруг пулей бросилась по тропинке на покос.

Володька позеленел, затопал ногами:

— Смотри, убежишь — всё!

И Пуха, одумавшись, повернула назад.

После этого он сходил к речке — в самый бы раз искупаться, но не искупался, полежал в избе,

потом снова вышел на воздух.

С запада угрожающе надвигалась темень. Солнце перекрывало рваными облачками. Их полосатые тени медленно скользили по искрящейся листве деревьев, по сникшей траве на пожне, изнывающей от жары. Вокруг избы тучами носились оводы.

«К дождю беснуются, проклятые, — подумал Володька. — А тот косит, ни черта не замечает».

Вопреки его ожиданиям, Кузьма вернулся с покоса веселый, возбужденный, довольно свободно поворачивая голову.

— Разработался. Ну, сначала гнет — каюк, думаю.

А потом ничего-прорвало… А их все нет? Ну и народ!

Это они не иначе к Илье собираются.

Володька презрительно скривил губы: дошло. Раньшето не мог догадаться.

Кузьма с тревогой глядел на небо:

— Неужели не пронесет? А как у тебя? — Он дотронулся рукой до Володькиного лба. — Плохо, брат. Жар вроде. Ну ничего, мы сейчас тебя немножко подлечим, а потом посмотрим.

Он сходил в сенцы, вынес оттуда четвертинку. Водки в ней было примерно с половину.

— Это у меня энзэ — на крайний случай. Иной раз так скрючит ногу-хоть караул кричи. Пьешь? — спросил он Володьку.

Володька угрюмо молчал. Придумает же, о чем спрашивать. Но нет, дешево хочешь откупиться.

Сначала маслом да щукой задабривал, а теперь водкой…

Кузьма налил в кружку подогретого чая, всыпал песку — много песку, ложек пять, потом вылил водку-всю вылил, размешал.

— Выпей!

— Не хочу.

— А ты через «не хочу». Средство верное. Это мы на фронте так лечились. Даже девушки пили.

Володька махнул про себя рукой: играть, так уж играть до конца. Поздно теперь отступать.

— А ты парень с опытом, — заметил Кузьма, когда Володька опорожнил кружку.

Володька не успел собраться с ответом, как вдруг тугой порыв ветра налетел из-за кустов, вихрем взметнул сухую щепу вокруг них. С крыши с грохотом полетела тесница.

— Буря идет! — крикнул Володька, давясь от ветра.

Все кругом стонало, ухало. Огромная иссинячерная туча вздыбилась над их головой, заслонив солнце.

Topreading.ru

Молча, не сговариваясь, они кинулись к столу и начали перетаскивать вещи в сенцы. Раздался оглушительный треск. Володька, ослепленный жгучей вспышкой, покачнулся, но тотчас же большие, крепкие руки подхватили его, втащили в сенцы.

— С тобой ничего? — Кузьма, мокрый, шумно дыша, воскликнул: — Ах, черт побери, какое сено упустили!

А мы-то жали-ни себя, ни лошадей не жалели.

Косой дождь хлестал в сенцы через порог. Опять слетела теспица с крыши.

— Может, пройдет… — сказал нетвердо Володька. — Больно круто началось.

— Да, без всякой артподготовки. Сразу в штыки. Ты не вымок? — Кузьма пощупал Володькину рубаху. — Иди ложись. Пропотей хорошенько.

Володька, вспомнив про свою роль, вздохнул, поплелся в избу.

— Неужели это они домой навострились? Хоть бы за сводкой заехали, — все еще сокрушался Кузьма.

Лежа в избе, Володька видел, как он достал из корзины тетрадку, надел очки в железной оправе и, пристроившись к корзине, начал писать.

«Сводку пишет», — решил Володька.

Томительное беспокойство овладело им. Кто же повезет сводку? Ах, нечистая, слишком он перегнул, пожалуй.

А то бы сейчас поехал на Грибово, а оттуда домой. И его воображению живо представилась картина сегодняшнего гулянья в деревне. Песни, пьяные со всех сенокосов люди выедут. А в клубе-то веселье. Да, начнут гулять, не дожидаясь Ильи. Да и кому этот Илья нужен?

Володька сглотнул сухой комок, подкативший к горлу, встал, прислонился к косяку дверей. Голова у него кружилась.

— Что, не лежится? — спросил Кузьма, поднимая очки на лоб. — А ты прав, посветлее стало. — Он снова опустил очки, — А мне придется, пожалуй, махнуть на Грибово. С этим праздником у них сейчас мозги набекрень…

Уедут без сводки. Да и тебе порошки надо.

— Давай я поеду, — вдруг неожиданно для себя бухнул Володька.

— Где тебе! Едва на ногах держишься. Лежи.

— Чего лежать-то? Хватит, вылежался. — Володька схватил со стены узду, выбежал из сенцев и под проливным дождем побежал к лошадям.

Он не помнил, как отвязывал коня, как, настегивая его поводом, бежал рядом с ним по мокоой траве, но когда он, приблизившись к избе, поднял голову и увидел перед собой Кузьму, то вдруг все понял.

Кузьма стоял громадный, несокрушимый, широко расставив ноги. По бледному,

перекошенному лицу его ручьями стекала вода.

«Сейчас ударит», — подумал Володька. Но больнее всякого удара хлестнули слова:

— Дрянь! Я с тобой, как с человеком… А ты?.. Убирайся к чертовой матери! И чтобы духу твоего здесь не было!

Шумит дождь. С еловых лап сочится вода, стекает за ворот. Вокруг темно, как осенним вечером. Один раз у самой дороги, тяжко хлопая крыльями, взлетел старый глухарь. Пуха с бешеным лаем погналась за птицей.

Он равнодушным взглядом посмотрел за дорогу и снова закачался под ельником. И снова, как прежде, перед глазами вырос Кузьма — громадный, с бледным перекошенным лицом. Лучше бы уж он ударил его — все не так обидно. А то вот, мол, даже руку о тебя пачкать противно.

Ну почему, почему у него все через пень-колоду? — задавал себе Володька все один и тот же вопрос. Только начнет взбираться в гору-хлоп и в луже. Неужели все оттого, что контрабандой на свет заякился?.. Да, у других отец так отец — железный. Ежели в живых нет-на войне погиб. А у него? Сколько раз он допытывался у матери! А что за Максим? Такого, говорят, и слыхом не слыхали.

Но отец-черт с ним! — и без отца прожить можно.

А вот как на люди теперь показаться? В правленье головомойка-это уж как пить дать. Девки на смех поднимут, И Колька, вражина, начнет расправлять крылья… Удирать, удирать надо, вдруг решил Во-лодька. А куда удирать? В леспромхоз? На целину податься? В ремесленное? Но везде нужна бумажка. А кто ему даст бумажку?

На Грибове, как и следовало ожидать, никого не было.

Возле избы неприкаянно стояли конные грабли, и о них глухо выстукивали капли дождя.

«Специально выставили, — подумал Володька. — Вот, кол, собирались, да дождь помешал». А в общем, не все ли равно ему теперь?

Он снял в сенцах… с крюка свое ружье с патронташем, забрал свой чайник. Кажется, ничего не забыл. А удилища? Два тонких удилища, белевших под крышей, ему попались на глаза, когда он уже садился на коня. Эти удилища он специально срезал, чтобы увезти домой. Длинные, гибкие-их ни за какие деньги не купишь. Но на черта ему теперь удилища? Ну, оставь Кольке-спасибо скажет…

Володька кинулся в сенцы, выхватил из натопорни чей-то топор — и через минуту от удилищ валялись одни палки.

«А это тебе на память-из-за тебя все началось». Он скинул с плеча дробовик и почти в упор выстрелил в старую кепку Никиты, висевшую на гвозде над входом в сенцы.

Вот теперь все. Прощай, Грибово…

Конь, как только вышел на твердую песчаную дорогу, перешел на рысь. И Пуха — хвост колесом — заработала ногами, как наскипидаренная. Дом почуяла! Ну, а он куда спешит? Нет, он не забыл про сводку. Кузьма уже что-то перед самым отъездом дописал в нее. Размашисто, с остервенением. А потом зашил в бересту дратвой — не прочитаешь.

И вот эта проклятая береста всю дорогу шаркает у него за пазухой.

Что он там настрочил? Эх, если бы не сводка! Потерял — и дело с концом. А сводку… сводку нельзя.

Сводку всегда ждут. Ждут в правлении, ждут в районе. За сводкой нарочного среди ночи на сенокос гоняют.

Но и везти бумагу, в которой тебя как последнюю сволочь расписали… На всю жизнь срамота! «А-а, это Володченко, который с пожни на себя доносы возил».

Поравнявшись с густой развесистой сосной, под которой свободно мог разместиться цыганский табор, Володька резко повернул коня.

Он вытащил из-за пазухи бересту, вспорол ножом швы.

Мокрые, назябшие руки не слушались. Темно. Тогда он вырвал из лапы над головой клок сухой шасты-так называют древесный лишайник на Пинеге, намотал ее на сухой сук и поджег.

СВОДКА

О ХОДЕ СЕНОКОШЕНИЯ НА УЧАСТКЕ ШОПОТКИ

Всего скошено…

Так, это не то… Он лихорадочно перевернул листок.

Ага, вот и выработка по дням… Фролов, Фролов… Что такое? Его фамилия в ведомости. Не может быть!

Хватая ртом воздух, он вытер мокрым рукавом лицо, начал читать сверху.

29 июля

1. Антипин К. В. — 2,3 га.

2. Фролов В. М. — 1,8 га.

30 июля

Опять Фролов рядом с Антипиным, и опять цифры…

А это? Ну, уж это черт знает что!

Антипин — 2,9 га, Фролов — 3,4 га.

Или это в тот день, когда он обскакал Кузьму? Было такое — сам Кузьма говорил…

1 августа

Погас огонь. Володька дул в дотлевающую шасту, дул до слез, чиркал отсыревшие спички — всё напрасно. Тогда, страшно волнуясь (не прочитает самого главного), он сунул в обуглившуюся массу весь коробок. Целая вечность прошла, пока вспыхнуло пламя.

1 августа…

Topreading.ru

1. Антипин К. В. — болезнь.

Правильно! Болел Кузьма. Вот человек — все начистоту, без утайки.

2. Фролов В. М. — 1,2 га.

Сбоку крупно: «С полудня валял дурака».

Что ж, вздохнул Володька, и это правильно.

За последний день против его фамилии стояли два слова: «Злостная симуляция!»

Внизу подпись: К. Антипин.

Потом приписка:

«Т. председатель. Сено гниет. Срочно гони бригадира с гуляками».

И больше ничего. Ни единого слова!

Володька въехал в деревню вечером. В домах на всю улицу светились огни, из раскрытых окон летели песни, веселые голоса. В теплых новорожденных лужах, нежась под мелким сыпучим дождиком, плескались ребятишки.

Заслышав топот коня, они лягушатами рассыпались по сторонам.

Володька, насквозь мокрый, ни на секунду не выпуская руки из-за пазухи, — в ней он держал самое дорогое сокровище на свете! — проскакал к правлению колхоза.

Лихо вбежав в контору, он выпалил с порога:

— Я сводку привез от Кузьмы Васильевича!

— Сводку? Ты бы еще ночью привез. Передай Антипину: в следующий раз за такие дела по партийной линии взгреем. Понял?

И председатель, даже не взглянув на сводку, которую бережно положил перед ним на стол Володька, схватился за ручку телефона.

«В район звонит, — подумал Володька. — Видно, начальство крепко намылило шею». Эх, много бы он дал сейчас, чтобы хоть одним глазком посмотреть, какое лицо у председателя будет, когда он сводку начнет читать! Но нельзя же, в конце концов, быть таким мальчишкой! И Володька, в последний раз взглянув на грязный, измятый листок — поаккуратнее надо было, — вышел.

На крыльце перед доской показателей он остановился.

Справа — общие цифры по бригадам, а слева поименно выписан каждый косильщик. Почетно! Недаром председатель на собрании назвал косильщнков сенокосной гвардией. И вот в эту гвардию завтра впишут его. А нуко, потеснитесь маленько. Дайте человеку встать на свое место…

Вдруг где-то совсем близко вспыхнула задорная частушка. Володька птицей взлетел на коня.

Topreading.ru

Нюрочку он узнал сразу-по лакированным сапожкам, блеснувшим в освещенной луже.

Поравнявшись с девушками, Володька вздернул коня на дыбы.

— Нюра, я там сводку привез!

— Чего? — рассмеялась Нюрочка, показывая свои белы зубки.

— Я говорю, сводку привез.

— Вот обрадовал. Не видала я сводок.

«Ничего, Нюрочка, — мысленно шептал Володька, провожая ее глазами. Посмотрим, что завтра запоешь».

Прибежит к председателю: «Тут ошибка, Евстигней Иванович. Антипин все перепутал. Володьке свое приписал».

Э, нет, Анюточка, не ошибка. Ничего не поделаешь, придется тебе в свои книги вписывать, да еще и на стенку вывешивать. И это даже хорошо, что в сводке про лодырничанье сказано. По крайности поверят.

— Володченко, ты ли это?

Володька оглянулся. К нему, выписывая пьяные восьмерки, медленно приближался Никита. Рубаха выпущена из штанов, ворот расхлестнут…

— Никита, я сводку привез! — с прежним задором крикнул Володька.

— Сводку? А я думал, водку, — пьяно сострил Никита.

Володька разъярился:

— Это почему вы не приехали? Смотри, старая киса, мы тебя с Кузьмой Васильевичем выведем на чистую воду.

Ты у нас еще попляшешь…

Никита так и остался стоять с разинутым ртом посреди дороги.

— А что, в самом деле, — горячился Володька, погоняя коня. — Там сено гниет, а он гулянку развел. Нет, с этими порядочками надо кончать. Вот общее собрание будет, и он первый шумнет: хватит, побрнгадирил. Антипина предлагаю.

Собственно, заезжать к жене Кузьмы было незачем.

Кузьма ничего не наказывал. Но как это? Напарник приехал с сенокоса имимо. Не годится!

Марья, жена Кузьмы, худая черноглазая женщина на сносях, подтирала тряпкой пол. На полу были расставлены тазы, и в них с потолка капало.

Ребятишки — славненький такой бутуз, весь в Кузьму, и заплаканная девчушка-сидели на печи.

Topreading.ru

Володька подмигнул мальчику, сказал:

— Марья, Кузьма Васильевич поклон наказывал. Посмотри, говорит, как там мои…

— Поклон? — Марья тяжело выпрямилась. — Черт ли мне в его поклоне! Лучше бы он вместо поклона избу перекрыл. Утонули — живем.

— Понимаешь, — начал разъяснять Володька. — Он партейный…

— А партейному-то дом не нужен? Все как люди, а он… Ну уж, я ему задам…

— Ну, ты губы-то не очень!..

— Что?

— Я говорю, губы-то подожми. Муха залетит. Мужик у тебя золото, а ты против него ворона бесхвостая. Понятно?

Дома матери не было. На столе записка, крынка молока и граненый стакан, прикрытый ячменной лепешкой.

Володька приоткрыл стакан, понюхал: вино.

«Ешь, пей, отдыхай, а это от меня праздничное. Меня вызвали на ночное дежурство…»

Володька скомкал записку. Знаем это ночное дежурство. Как праздник, так и ночное дежурство… Но спасибо и на том, что о праздничном вспомнила.

Когда он вышел из дому, дождь все еще моросил и был тот самый час, когда пьяное веселье, уже не вмещаясь в домах, вываливается на улицу. То тут, то там разнобойно горланили песни…

Возле клуба кипела людская мешанина. Всем хотелось попасть в помещение. Но старенький клубик не мог вместить и половины желающих. И вот толпа со смехом, с задорными, поощряющими друг друга выкриками штурмом брала узкий проход на крыльцо. Давили, жали, откатывались и снова, развлекаясь и улюлюкая, устремлялись вперед.

Володька попал в самую середку толчеи, и его буквально на руках внесли в помещение.

В клубе, несмотря на то что все окна были раскрыты настежь, жара стояла не меньше, чем на покосе. И трудились тоже по-страдному. Пьяные бабенки, обливаясь потом, выколачивали пыль из каждой половицы. Некоторые резпились даже на сцене.

— Коля, Коля, быстрей! — выкрикивали плясуньи.

Володька, зажатый в углу у печки, с недобрым чувством смотрел на Кольку. То, что Колька сидел развалясье в цветнике девчат, — понятно. Гармонист. Но откуда у него взялась эта кожаная куртка? С молнией, с замочками на грудных карманах. Брат прислал из города?

«Бабий час» кончился так же неожиданно, как и начался. Поскакали, повытрясли из себя дурь и валом хлынули вон.

В клубе стало просторнее. Уборщица Аксинья побрызгала на пол из графина. Кто-то за сценой завел патефон.

Танцы!

У девчонок от удовольствия заблестели глаза. Что ж, это им надо. Без разминки не могут.

К Нюрочке подрулил высокий сутуловатый Гриня-левша. Володька не слышал, что сказала Нюрочка, но, судя по тому, как Гриня-левша, еще больше ссутулившись, попер на выход — «курить», как говорилось в этих случаях, был отказ.

Ах, если бы он умел танцевать! Мог бы пригласить.

Конечно, мог бы. А почему нет? Вон какая морошка топчется, а он как-никак с самим Кузьмой тягается. И плевать, что ростом не вышел. Гриня-левша-каланча перед ним, а ушел не солоно хлебавши.

Пары кружились, а Нюрочка все еще сидела на скамейке. Нижнюю губку закусила, левый глаз прищурен — всегда так, когда не в духе.

Может, подойти ему? Неужели это такая хитрая штука перебирать ногами? И вдруг он увидел, как Нюрочка, разом просияв, вскочила на ноги…

«Надо уйти, надо уйти, — твердил себе Володька. — Чего он еще ждет?» Но он не уходил. К нему оборачивалась стоявшая впереди баба, разъяренно шептала:

— Не дуй ты мне в шею. И без того жарко…

А он все стоял и стоял…

Нет, не то было обидно, что Нюрочка любезничает. Пущай-все девчонки такие. Но с этим типом? Неужели она не понимает, что это за дрянь? Колька наклонялся к ее раскрасневшемуся лицу, что-то шептал ей на ухо, и она визгливо на весь клуб смеялась…

Впоследствии он с трудом припоминал, как все это вышло. Кажется, когда кончился танец, он шагнул вперед, схватил Кольку за грудь, за эти блестящие замочки, которые все время звенели у него в ушах. Кажется, их окружили ребята. Единственно, что он хорошо запомнил, — это крик Нюрочки:

— Хулиган! Чудо горохово! Гоните его вон!

И именно в тот момент, когда он оглянулся на Нюрочку, его сбили с ног…

Пуха не любила праздников. Она не понимала, почему люди вдруг ни с того ни с сего начинали орать на всю деревню, падать, кататься по земле, а то и дубасить друг друга. Кроме того, в такие дни ей часто попадало и от людей, и от злых собак, да и Володька почему-то не в меру сердился, когда она показывалась ему на глаза.

Но как отпустить одного Володьку?

И Пуха, не спуская глаз с него, бежала стороной, а ежели он останавливался где-нибудь, она прижималась к постройке, изгороди и оттуда наблюдала за ним.

В тех случаях, когда Володька заходил в клуб, она устраивалась в кошачьем лазе. Лаз этот, прорубленный в дверях зерносклада, был очень удобным местечком.

В нем сухо, безопасно, а главное-из лаза видно крыльцо клуба.

Сегодня лаз оказался закрытым. Она понюхала доску, поскребла по ней когтями и задумалась. Не вернуться ли ей домой? Ведь она не такая уж молоденькая, чтобы мокнуть целую ночь под дождем, да и устала она сегодня очень.

Но в следующую минуту Пуха уже обнюхивала ближайший угол.

С крыши капало, хлопали двери на крыльце…

И все время, пока она усталым, прнжмуренным глазом смотрела на входящих и выходящих людей (а вдруг появится Володька), ее не покидало какое-то смутное, тревожное беспокойство.

И вот случилось. На рассвете три здоровых парня вытащили Володьку из шумного дома и с руганью сволокли с крыльца. Пухе хотелось завыть от горя, броситься на обидчиков. Но она не посмела сделать ни того, ни другого. Кто знает, как посмотрит на это Володька? О, она знала, как непонятен бывал Володька. Кажется, старается, старается она, а он вдруг начинал звереть. И все-таки никогда еще так не жалела Пуха, что бог не дал ей волчьих зубов.

Прижавшись к стене, она с тоской следила за растрепанным, молча поднимающимся с земли Володькой.

Что он еще сотворит? Шел бы лучше домой.

И Володька, словно сообразуясь с ее желанием, побрёл на главную улицу. У изгороди он остановился, сел на бревно, схватился руками за голову.

Вот теперь, наверно, можно и ей подать голос. Она оглянулась вокруг-одни они с Володькой на улицеи, приподняв кверху мордочку, тихонько тявкнула.

— Пуха, Пуха! — вскрикнул Володька и протянул к пей руки.

Его прорвало слезами, бурными, облегчающими. Нет, нет, он не один на свете. Есть же хоть одна животина, которая любит, понимает его. Он прижимал к себе присрянревшую, вздрагивающую Пуху и плакал, плакал, не стыдясь своих слез…

Утреннюю тишину взрывали охрипшие голоса запоздалых гуляк, последний жар вытряхивала гармошка в клубе. Но, странное дело, сейчас ему безразлично было, с кем танцует Нюрочка. Нет, он не раскаивался в том, что сцепился с Колькой. Глупо, конечно, ужасно глупо. Подумают еще, из-за этой Нюрочки… Но Колька — подлец, и он еще докажет это!

И как только он подумал об этом, ему вдруг припомнились слова Кузьмы: «Паскудный парнишка растет».

И это было для него сейчас так неожиданно, так ново, что он вздрогнул.

Ах, какой он болван, какой болван! Да как же он мог забыть про Кузьму! Весь вечер, всю ночь из-за какой-то ерунды разорялся, а о Кузьме, о Кузьме забыл…

Он вскочил на ноги и изумленными, широко раскрытыми глазами стал всматриваться в далекую неподвижную кромку лесов.

Там, где-то за этой кромкой, были Шопотки. И там сейчас вставало солнце.

Что делает теперь Кузьма? Спит? А может, вышел на воздух и так же вот, как он, смотрит на

солнышко? Гниет сено, а он один… Да, да, надо ехать, сейчас же ехать!

По спящей деревне гулко затопали сапоги.

Володька миновал колхозную контору, взбежал на пригорок. У крыльца магазина валялся какой-то мужик.

Неужели Никита? Он. Нажрался, боров, храпит на всю улицу, а кругом хоть потоп…

Володька подошел к Никите, начал его расталкивать:

— Вставай! Бока-то еще не отболели?

Никита что-то промычал, пропахал землю носом и снова захрапел.

— Вставай, говорю. Не подрядился лежать-то!

Володька, стиснув зубы, тряс его за рубаху, задирал ему голову, переворачивал с боку на бок, как кряж, — все без толку.

— Нет, черта с два! — все более ожесточался Еталодька. — Я тебя заставлю встать. Ты думаешь, что… Так вот и будешь прохлаждаться, а там Кузьма…

Весь мокрый, тяжело дыша, он разогнулся, обежал глазами крыльцо, пустые ящики вдоль стены. Чем бы еще пронять этого дьявола?

И вдруг он увидел перед собой чугунный противопожарный брус, висевший на железных крючьях между двумя деревянными столбами. И, прежде чем он подумал, что делает, он подбежал к столбам, схватил железную палицу и, подпрыгнув, изо всей силы ударил.

Чугунный брус тяжело охнул и набатом загремел на всю деревню…

1961

Topreading.ru